

Иван ОБРАЗЦОВ

г. Барнаул

МЕСТО ВАСЬКИ-БОМЖА

рассказ

Бомжовость не была для Васьки чем-то мучительным и нисколько его не оскорбляла. Он воспринимал это «своё житиё» как альтернативу окружающему рекламному рабству. «Настоящее, на него ведь надо решиться, — рассуждал Васька. — По крайней мере, я никому ничего не должен».

Каждый день Васька наблюдал из своего угла, как мимо суетились небомжовые граждане. За всё время наблюдений Васька нашёл только два признака, которыми различались небомжовые между собой. Первый признак был из области гастрономической и выражался на лицах разной степенью сытости. Об этом признаке можно рассуждать совершенно отвлечённо, так как никакой солидарности он не предполагал, а больше раздражал самих граждан. Правда, как казалось со стороны, граждане приписывали своё раздражение чему угодно, кроме стремления к сытости.

«В общем-то, это правильно, тем более что даже немного облегчает чувство собственной виноватости, которое, конечно же, никуда не деть. И гложет оно гражданина из глубины подсознания. Да, небомжовым гражданам жить приходится несладко», — мысли Васьки всегда носили рассудительный характер, уж такова была его неискоренимая слабость.

Второй признак, которым различались граждане, был чисто техническим. Он заключался в способности переносить себя от места ночёвки к месту суеты с разной степенью комфорта. Одни суетились пешком и общественным транспортом, а другие — на личном автомобиле.

Всё оказывалось понятным, когда наблюдаешь из своего угла, а пёстрая масса небомжовых граждан превращалась в один нервический поток, из которого выныривали то бампер джипа, то рука с продуктовым пакетом, то ещё какая-то общая деталь взвизгивающей повседневности.

Единственное, что смущало, это определение промежутка, когда злобное полуголодное лицо гражданина перетекало в самодовольное сытое. Это совершенно неуловимое изменение переводило гражданина из категории пешкообразных в касту автоездовых, но когда это изменение случалось и где та срединная форма сытости — этого заметить никак у Васьки не выходило. Всегда оказывалось, что проскальзывающие мимо лица

относятся либо к голодной низшей, либо к сытой высшей категории.

В конце концов Васька решил, что небомжовых объединяет здесь именно продуктовый инстинкт, а всё остальное — нюансы потребительских возможностей. В вопросах питания наблюдалось одно очевидное стремление — все стремились пожрать побольше, получше и посытнее. «Главное же — выявить и обобщить, а там и само понятно», — решил Васька. Вот он выявил и спал спокойно.

Поесть Ваське тоже хотелось. И хоть не с таким остервенелым фанатизмом, как небомжовые граждане, но Васька тоже искал себе иногда еду. Воровать он не умел и потому боялся даже пробовать.

Основным источником пропитания были для Васьки мусорные баки. К еде Васька относился как к неизбежной необходимости, но вот что действительно ценил, так это покой. Ценность покоя росла с опытом. Накопившись достаточно, опыт позволил заключить: покой найти очень сложно, потому что от тебя всё время кому-то что-то было нужно. Нужно было в том смысле, что небомжовые оказывались везде, и везде они обращали на Ваську своё назойливое внимание. Казалось бы, никому ничего не должен, ну так и отвяжитесь от человека. Ан нет, лезут и лезут. Кто — со своим слащавым участием, кто — с претензиями. Беспokoили небомжовые граждане Ваську постоянно, и чем дальше он прятался, тем сильнее оказывалось беспокойство.

Отдельная история — это полицейские патрули. Те выискивали Ваську специально и беспокоили так дуболомно и тупо, что казались заведёнными розовощёкими брѣвнами. «То ли их какой специальной кашей кормят, что они все такие розовощёкие и дубовые?» — недоумевал Васька.

Вообще, было странно, что вокруг ходили и ездили хамы, неучи, жулики и воры, но их никто особо не беспокоил своим назойливым полицейским вниманием. Зато Ваську-бомжа беспокоили все кому не лень — от полиции до базарных тѣток.

Васька-бомж не воровал, не пьянствовал и даже не курил, он только забивался в свой угол, и только потому, что другого дома у него

не было. Та прошлая небомжовая жизнь, которая когда-то то ли действительно была у Васьки, то ли ему мерещилась — забылась почти начисто. От прошлого Ваське перепал обрывок человеческого ФИО и клочки тёплых полусонных привычек. «Может, я и вправду был кем-то важным?.. Может, даже учителем в школе или профессором?..» — порой думал Васька. Но о прошлом можно было только мечтать, потому что никакого такого прошлого он не помнил.

— ...Васька, ты на вот! На! Тут осталось ещё, выкидывать-то жалко будет. — Небомжовый водила Петрович сидел на корточках перед Васькиным углом, протягивая еду.

Васька взял промасленный кусок обёрточной бумаги с зажатым в ней недоеденным чебуреком. Петрович довольно ошерился, и у него во рту мелькнули неровным частоколом железные коронки.

— Поешь хоть, а то вот сидишь тут, — неопределённо прокряхтел старый водила и, поднявшись, ушёл к своему потрёпанному пазику.

Удалялся Петрович как бы рывками, приваливаясь на левый бок и нелепо болтая правой кистью, словно хотел показать что-то и всё никак не мог определиться, что именно.

Мясо в чебуреке было выгрызено подчистую. Васька достал из кармана целлофановый мешочек, аккуратно положил в него прожаренное чебуречное тесто и запихал его обратно в карман.

Невдалеке кучковались таксисты-частники.

— ...Не, ну ты слышь, Серѣга-то... он как бы не при делах. А этот ему наезжает... ну как бы тачку типа сам делай. Мне вообще, говорит, не при делах как бы... ну, это самое... не будет платить вообще.

— Да Серѣга сам чѣ он быковать-то начал? Надо было по уму оформлять и всё, а так оно, конечно, мужик откажется — и всё, и ничѣ не сделаешь.

— Ну, ясно дело, а ему-то как бы от этого не легче, тачка-то в ремонте теперь зависнет на неделю, а то и вообще на полмесяца. Тот-то мужик на навороченной, бабла, по ходу, вагон. А Серѣге теперь работать на чѣм? Этот мужик, он как бы мог и по-людски поступить, понять-то можно, да и всё. А так Серѣге — попадать, а тому вообще без разницы.

— Ну, так-то да. Чё вообще за народ пошёл, у него бабла нормально, а он жабит ещё больше.

— Там, Серёга говорит, разбирались когда, так этот мужик за каждый клапан удавиться готов был. Не, ну ты сам прикинь, если он за клапан так, то за остальное вообще понятно. Он, клапан-то, сколько там?.. Рублей двести стоит. Я бы даже базарить не стал. Тут пошёл бы да купил без базара. Жалко, что ли? Если на крутой, так две сотки-то вообще копейки. А мужик-то жабит. Жалко ему, что ли?

Мимо гудели проезжающие грузовики, стучали трамваи и копошились прохожие.

«Жалко, конечно же, жалко. Не ясно им, что ли, что чем больше — тем жалче», — Васька поморщился от этой мысли и выпрямил затёкшую ногу.

Если смотреть на мир со стороны, то сразу начинаешь задумываться, а где этот мир? В истеричных автомобильных и общественных вскриках, в неровных движениях тел и машин? Может, тот мир, — который единственный, который и называется миром по-настоящему, — он где-то там, наверху, где ещё нет такой толкающей тесноты, а разваленные тучи ещё могут себе позволить быть неторопливыми и по-настоящему грозными. Васька пока не нашёл окончательного ответа на этот вроде простой, но если разобраться, то совсем неоднозначный вопрос. Васька пока наблюдал за небомжовыми гражданами. Наблюдал, прячась в своём углу, — из-под бетонной плиты городской теплотрассы.

Ещё одно наблюдение Васьки-бомжа было на первый взгляд случайным. Глядя весь день из своего закутка за стеклянные витрины магазинов, блеском которых было заполнено пространство с гордым именем площадь Свободы, Васька заметил, что самые большие очереди всегда были в продуктовые отделы и аптеку. Неслучайная связь между этими очередями прояснилась внезапно.

Однажды мимо проходили два очкастых мужика и из их оживлённой беседы до Васьки долетел обрывок.

— ...Всё стоят и стоят. Зайдёшь за булкой хлеба, а там очередь, зайдёшь за пачкой парацетамола — и там опять очередь. То ли привычка у дураков стоять гуськом такая, прямо никаким изобилием

не вытравить, — говорил глухим басом очкастый, который пожирнее и помельче ростом.

На что второй, плотно сбитый, с небольшим брюшком под полосатым свитером, бросил словно между прочим:

— Так нажираются вначале всякой химии, потом лечатся тоже химией, вот и выстраиваются за дозами: сначала — в продуктовый отдел, потом — в аптечный.

Очкастый номер два скривился и провёл ладонью по полоскам свитера на животе.

— Народ у нас такой, — полосатый повертел пальцами в воздухе. — Быдло.

Поздно вечером, когда январский мороз набирает особенную силу и готовится морозить и дуть сквозняком во все щели, за Васькой погнались какие-то непонятные граждане. Он как раз отходил от мусорного бака, и вдруг ударили автомобильные фары, а из-за них закричали.

— Лови, вон он!

— Да здесь! Здесь засел, я точно говорю!

— Оба-на, сейчас подрежем-то!

Васька метнулся за угол дома и увидел распахнутую дверь подъезда.

«Чудо», — пронеслось у Васьки в голове молниеносной вспышкой.

Все подъезды закрыты на домофонные замки, но этот сияющий свет впереди говорил о том, что проход свободен. И Васька ринулся в него, припадая к подвальным окнам и запыханно оборачиваясь назад. Заскочил и юркнул под лестницу. Затих.

В подъезд ввалилась супружеская пара. Под лестницу прокатилась слабая волна запахов — винегрет, дешёвый алкоголь и лосьон после бритья.

— Кто-то заскочил. Ты что, не видела, что ли? — Шатающийся мужской баритон икнул и завис над лестницей.

— Ну опять бомж туда залез!.. Туда, под лестницу. Они и воняют здесь, и дверь специально сломали, — женский визгливый голос повысился на слове «специально» и настойчиво дребезжал, отскакивая от стен пустого подъезда.

— Ну, посмотри, посмотри, чего стоишь-то! Надо выгнать, а то опять всё загадят, ну что ты стоишь!

Мужчина тяжело запыхтел и зашебуршал

одеждой. Зажёгся тусклый экран телефона. Огромная мутная тень стала опускаться по стене, намереваясь занырнуть под лестницу.

Васька испугался, что вот сейчас достанут и начнут трепать, а потом на улицу выкинут. На улице холодно так, что не по-человечески всё. И Васька от страха залаял. Может, сами испугаются и отстанут, оставят в покое, а он здесь погреется, полежит да подремлет в пыльной подвальной темноте.

Спутанные мысли проносились в Васькиной голове, пока он лаял по-собачьи и по-собачьи же пытился глубже и глубже в подвал, а потом провалился.

Видно, под лестницей лаз какой-то был, и попал Васька в него совершенно случайно.

Притихнув, подслеповато поморгал и различил три похожих на человеческие силуэта — они были темнее, чем темнота вокруг, и лежали на полу клубками, свернувшись, как собаки. Когда Васька к ним провалился, они зашевелились, завставали.

— Э, ты чо там? — хрипло и агрессивно выплюнул один «клубок».

Васька уже привык к темноте и различал физиономию с уголовными глазами. Новая волна страха накатила на Ваську, и он начал хорориться.

— Ничего, ты отстань, — Васька попытался придать голосу развязной наглости и угрозы.

Уголовный поднялся и пошёл на Ваську, шебурша у себя за пазухой. Страх подтолкнул вперёд, и Васька сделал выпад, будто в руке у него спрятан ножик. Он мягко тыкал пустой рукой в туловище напугавшего его уголовного. «Так тебе, так», — стучало бессмысленно в голове, но рука упиралась в ватник уголовного и пружинисто отталкивалась обратно.

— Опачки, — услышал Васька над ухом, и до него дошла, оглушительно допрыгнула острая боль в правом боку.

Тело переломилось и будто зачесалось справа, под грудью. Зуд беспокоил и беспокоил. Васька хотел ползти от зуда в угол, пробираться по грубым осколкам бетона, но было так темно, что темноту он чувствовал всей кожей. Темнота превратилась в густой битум, и Васька всё никак не мог протолкнуть вперёд руку.

У кого-то наверху за дверью орал телевизор.

— Вот, вы говорите, минусы... А продолжительность жизни, а?! Я вам говорю: вы посмотрите — нигде в Европе нет такой жизненной продолжительности! А материнский капитал? Вы слышали где-нибудь про материнский капитал, я вас спрашиваю?!

Васька не слышал. Он думал о том, как сейчас хорошо дома после уроков сидеть и смотреть на мать, которая собирает в саду яблоки. Яблоки круглобокие и пышные, а руки её держат у бока большой эмалированный таз.

— В покрывало! В покрывало надо, чтоб не кровило!

Ваську поволокли.

Между прочим, не Васька, а Василий. Он раньше вроде был учителем. И не каким-то там педагогом, который, как банкомат, ни душе, ни сердцу, а учителем.

Ваську затащили и бросили на площадке первого этажа.

— Надо б позвонить хоть кому, что ль. Ну, в дверь кому и дёрнем? — сказал кто-то.

— Ага, чтоб тут и запалили, — зло прокашлял страшный шепот уголовного.

— Давай сюда под дверь — и валим.

Горят и искрами вспыхивают в Васькиной голове мысли, как отсветы от пламени. Горячо, ох горячо, когда тебя в бок да ножичком! И кровь такая, что железной стружкой пахнет. И вязкая, да не густеет только, а всё как из бочки прохудившейся течёт и течёт. Нет конца этой крови будто бы. Только кажется теперь, что и начала у неё нет, что всегда так было, есть и будет — горячо и железом струганым пахнет. А если кровь железом пахнет, то и вязкая она тогда правильно, ведь когда железо плавят, оно на кисель вроде похоже и льётся густо-густо.

Блажен ты был, Василий, блажен остался. Так и помирать не страшно блаженным-то. Холодно так. Не по-человечески всё.

ОТВРАЩЕНИЕ

рассказ

Лещ был не тощ и даже достаточно жирен, а в пиве плавала тонкая пенка. Никодим Францевич Гамельсон, специалист отдела продаж завода «Русский агрегат», сидел на кухне своей трёхкомнатной квартиры и скучал. Никодим потрогал пивную пенку указательным пальцем.

— Какая замечательная, однако, картина бытия, — вяло проговорил он и обсосал палец. — Только вот вкус сладковат, я бы даже сказал, паточен. — Никодиму очень нравились необычные слова.

Он пододвинул к себе солонку и бросил в пиво щепотку соли. Пиво возмутилось.

Аделаида Петровна, сожительница Никодима, шуршала у открытой духовки свежими сухарями.

— Зайчик мой, хочешь сухарик?

Никодим вынырнул взглядом из пива.

Аделаида протягивала ему тарелочку с мелко нарезанными домашними сухариками.

— Нет, не буду, — он отрицательно мотнул головой и опять опустил палец в стакан с пивом.

В это время за спиной Аделаиды, встряхиваясь и навязчиво гудя в режиме отжима, начала набирать обороты стиральная машина.

— Чёртова машинка, давно пора перенести её в ванную, оттуда хоть не так громко гудеть будет, — сказал Никодим больше по привычке, чем с действительным намерением перетаскивать машину куда-либо.

Он вытер палец салфеткой, допил пиво и налил себе ещё стаканчик из стоящей на полу трёхлитровой пластиковой бутылки. Аделаида начала мыть посуду.

Стиральную машину стоило с самого начала установить не на кухне, а в ванной, но вызванный для этого дела сантехник, осмотрев оба помещения, сделал категорический вывод: «Не, лучше на кухне прицепиться. В ванной у вас слив хреновый, забиваться будет постоянно».

Никодим тогда засомневался, но был так

вымотан оформлением кредита на эту самую машину, что махнул рукой: мол, ставьте где хотите, лишь бы работала. Позже, когда в гости зашёл сослуживец Никодима Антон Павлович Корецкий, он-то и объяснил, что таким образом сантехник просто намекал на небольшую прибавку к оплате труда. У Никодима Францевича тогда даже завязалась интересная дискуссия с Антоном Павловичем на тему оплаты труда и смысла жизни.

— Вот, — говорил Антон Павлович, — раньше всё было понятнее: дал бутылку водки — и в расчёте. А сегодня что? Всем только деньги нужны. А что такое деньги? Цветные бумажки, и все верят, будто они дорогого стоят. Договорились, значит, между собой так. А если ты попал на необитаемый остров с мешком денег, и какой тогда тебе от них прок?

— Костёр разжечь можно, — предположил Никодим.

— Дорогой мой Никодим Францевич, деньги могут разжечь только один костёр — это костёр мировой революции, да и то — сразу пожар. А в реальной жизни деньги для этого дела совершенно бесполезны, так как в реальной жизни деньги не горят!

— Как это не горят, они же бумажные?

— А обыкновенно, они специально из такой бумаги сделаны, что не горят.

Проверять не стали, потому что денег было жалко.

— Железные деньги тоже не горят, но из них что-нибудь сделать можно... Ну, вот даже наконечник копья или там той же стрелы, — придумал вариант Никодим.

— Согласен, от железных денег хоть какой-то был бы толк. Но кто в наше время станет с таким мешком железных денег гулять, да ещё и на необитаемый остров спастись?.. Нет, с таким мешком скорее на дно попадёшь, даже на социальное, — пошутил Антон Павлович.

— Да, это точно. А виртуальные деньги — так их и в мешок-то не положить, если только в виртуальный, — тоже пошутил Никодим.

Недавно он смотрел по телевизору передачу о виртуальных деньгах, и очень уж ему понравилось необычное их название. Только признаваться в этом Антону Павловичу Никодим не стал по той причине, что как-то оно не впи-

сывалось в их замечательную единодушную дискуссию.

— Виртуальные деньги, — развивал идею Антон Павлович, — это вообще даже не совсем деньги, а так... только представление о чём-то, что вроде для всех важно, но никто этого в руках не держал и толком не понимает. Абстракция, так сказать, полнейшая.

Попробовали представить, что у кого-то оказались все деньги вообще — и бумажные, и железные, и виртуальные. Хоть это вроде бы было невозможно, но всё-таки теоретически чего можно хотеть, если у тебя все на свете деньги?

— Разумеется, власти. Чего же ещё можно хотеть после денег, — Антон Павлович немного подумал и добавил: — Но такой власти, чтобы ты мог приказать — и тебя все искренне любят, и не от того, что боятся, а просто по-человечески и душевно любят.

Эта идея была ещё невероятней, чем предыдущая, но ход рассуждений увлёк собеседников.

— Ну, хорошо, а что дальше?

— В каком смысле дальше? — не понял Антон Павлович.

— Дальше, после власти, чего можно захотеть после всех денег и власти?

Как ни старались, но ничего, кроме бессмертия, на ум не приходило.

— Знаете, Антон Павлович, — изрёк Никодим, — если у человека есть все деньги, есть такая власть над миром, что он даже может приказать себя любить, да к тому же он ещё и бессмертен, то это уже не человек, а бог.

— Я бы здесь уточнил, что это не бог. Это скорее наше представление о боге. Здесь же важнее, что ты будешь со всеми этими деньгами, властью и бессмертием делать. Целые поколения монархов потому и объявляли себя богами, чтобы хоть немного почувствовать себя бессмертными. А целые поколения народов верили именно в такие признаки божественности. Всех этих мессий, которые пытались нарушать идиллию, распинали, сжигали на кострах, в общем, казнили. После чего все спокойно возвращались к своим обычным делам, а мёртвого мессию ставили в упрёк монарху или соседу, если тот чем-то не нравился. Заметьте, дорогой Никодим Францевич, какая практичность! Ведь мёртвый мессия удо-

бен абсолютно всем, а особенно — расторопным и красноречивым, которые на этом всегда могут ещё и подзаработать. На самом деле человеческая натура очень отвратительна.

Никодим Францевич согласился с коллегой, ведь картину тот нарисовал и правда неприятную. Они ещё долго разговаривали о падении нравов и философии денег, о мелочности обывателей и о том, что человечество безнадежно катится в пропасть.

В общем, вечер тогда прошёл в правильной и приятной беседе. Но ощущение незавершённости то ли беседы, то ли всего вечера смущало Никодима весь следующий день.

А через месяц с Никодимом случилось приключение, которое странным образом замкнулось с той вечерней беседой и высекло в нём искру судьбоносного решения. Произошло всё в два коротких дня, на которые Никодим Францевич был отправлен в служебную командировку.

Служебная командировка для контрольного служащего — этакая изюминка в пироге пресных рабочих будней. Это вам не путёвка в санаторий, куда дорогая сожительница Никодима обязательно втиснется дополнением, приложением или положенной льготой.

Никодим Францевич прогуливался в парке перед гостиницей, когда увидел её. Созревшие пшеничные колосья и выбеленные пески каракумовых барханов — цвет её волос. Милая вязаная шапочка с помпоном и на коленях альбом для рисования. Альбом казался громадным рядом с её миниатюрной тоненькой фигурой. Она рисовала. Кисть летала над белым листом плотной бумаги, но Никодиму казалось, что штрихи остаются у него на сердце.

Неизвестно, какой рисунок появлялся в альбоме, но на сердце стареющего Никодима появился рисунок вполне известный: он вдруг влюбился весь и сразу, влюбился по-дурацки, непредсказуемо и по уши. Он стоял и млел, когда девушка начала собирать карандаши и альбом в мягкую сумку. Он молча смотрел, когда она поднялась со скамейки и накинула сумку на плечо. Никодим даже не пошевелился, когда молодая художница прошла мимо него и вышла из парка.

Всю ночь Никодим Францевич просидел в номере, глядя на беззвучно работающий экран

телевизора, а под утро задремал сидя и никаких снов не увидел. Но, очнувшись от короткого забытья, Никодим вдруг понял, что так дело не пойдёт, надо что-то решить, но... ничего не решил. Только летающая над белым листом рука и зажатый в хрупких пальцах карандаш — всё, что осталось у Никодима на память о внезапной влюблённости. И ещё тоска. Как избавиться от тоски? Разве что начать рисовать. Та мысль была простой и понятной, а главное, не требовала никаких обоснований как единственно правильное решение.

Всё это было два года назад. С тех пор Антона Павловича перевели в другой отдел, и общались они с Никодимом Францевичем всё реже и реже, да и то в основном только здоровались, когда случайно сталкивались на проходной завода.

В прошлом году старшая дочь Никодима родила второго ребёнка — мальчика, внука, Тошечку. В том же году открытым народным голосованием был избран на второй срок глава государства, а Никодим увлёкся рисованием.

Теперь всё свободное время он проводил за чинкой карандашей, смешиванием красок и поиском в интернете ярких, как он их называл, сюрреалистических картинок. Никодим тщательно срисовывал детали с этих картинок на холст, а после добавлял свои, как он их называл, авторские штрихи.

Никодим даже начал подумывать о выставках, а главное, о продажах своих шедевров. Само собой, что в его мечтах фигурировали достаточно значительные суммы денег, так как ниже шести знаков он свой талант не оценивал.

Многое изменилось за два года, и только стиральная машинка, потряхиваясь, всё так же билась и тряслась на кухне в режиме отжима как символ стабильности и неизблемости основ бытия.

А потом Никодим Францевич внезапно умер от сердечного приступа. И то, что ходило, дуло и называло себя этим именем, вдруг потеряло всякий смысл. Бесплезная теперь для окружающих обуза мёртвой плоти обрела вечный смысл в сосновом гробовом ящике. Разбухая и расплываясь в тесном пространстве гроба, тело Никодима долго ещё лежало и разлагалось под землёй. И это было уже окончательное отвращение от жизни.

□

Иван Юрьевич ОБРАЗЦОВ

родился в 1977 году.

*Окончил Бийский технологический институт
и Барнаульскую духовную семинарию.*

*Пишет стихи, прозу. Публиковался в журналах «Север», «Юность»,
«Москва», «Огни над Бией»,
в газетах «День литературы», «Литературная газета» и др.*

*Лауреат Всероссийской литературной премии
«Герои социальных перемен» (2022, «Forbes Russia»),
конкурса к 140-летию К. Чуковского (2022, «Новый мир»),*

Всероссийской премии им. А. Дельвига.

Член Союза писателей России.

Живет в Барнауле.

